Записки Ленинградского орденов Ленина и Трудового Красного Знамени горного института им. Г. В. Плеханова, т. XXXV, вып. 3, 1958 г.

ДВЕ ТАКТИКИ — ДВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Е. И. Гиршович

Революционная буря, разразившаяся в России в 1905 г., рассеяла сумерки политического застоя, охватившего Европу в течение десятков лет после поражения Парижской Коммуны. Она ускорила в необыкновенной степени ход исторического развития, породив новые, могучие формы классовой борьбы, которых не знала доимпериалистическая эпоха. Вместе с тем, новые условия революционной борьбы пролетариата предъявили новые и сложные требования к его партии.

В. И. Ленин издавна готовил партию к революции, разрабатывая тактику партии в предстоящих боях. Но лишь наступление революции дало возможность привести эти идеи в стройную систему большевистской стратегии и тактики. Развитие исторических событий выдвинуло неотложную задачу — разработку тактических основ партии, ее политической линии в период демократической революции и ее перерастание в революцию социалистическую.

Решения III съезда партии, их подготовка и дальнейшее обоснование и глубокое развитие в последующих работах Ленина не только восполнили арсенал стратегии и тактики всемирного рабочего движения, но и обогатили сокровищницу марксистско-ленинского мировоззрения в целом.

В ходе революции 1905 г. партия поднялась на новую ступень в своем практическом и теоретическом развитии. Вместе с тем, этот период стал новой ступенью и в обострении разногласий, в борьбе большевизма с оппортунизмом в социал-демократическом движении.

Рождение большевизма как политического течения, как партии нового типа произошло в процессе раскола РСДРП на две фракции. Этот раскол обнажил глубокое и растущее противоречие между революционными и оппортунистическими течениями не только в русской рабочей партии, но и во всем мировом рабочем движении. Меньшевиков В. И. Ленин называл «жирондистами» современной эпохи.[1] Они отстаивали традиции и догмы II Интернационала. Каждый шаг в строительстве большевистской партии нового типа, каждая новая идея, которую разрабатывал В. И. Ленин, были связаны с борьбой против русского и международного меньшевизма.

Еще до раскола РСДРП на большевистскую и меньшевистскую фракции В. И. Ленину пришлось вести борьбу с идейными противниками, выступавшими в марксистском облачении: первоначально с буржуазным объективизмом и лжемарксизмом струвистов («легальных

[1] См.: В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 195.

марксистов»), а затем, с хвостизмом и культом стихийности первых оппортунистов внутри РСДРП («экономистов»).

Первый этап борьбы с меньшевиками, казалось, был связан только с разногласиями по организационному вопросу. С началом революции 1905 г. выявились разногласия с меньшевиками по всем вопросам стратегии и тактики. Стало ясно, что разоблаченный В. И. Лениным «организационный оппортунизм» меньшевиков был только первым проявлением их политического оппортунизма вообще. В. И. Ленин строил партию, способную возглавить борьбу народа против самодержавия и осуществить перерастание демократической революции в социалистическую, пролетарскую революцию. Меньшевики готовили партию для жалкой парламентской оппозиции в рамках буржуазной демократии в расчете на соглашение с либеральной буржуазией и длительное господство капиталистического строя.

В своей основополагающей (по вопросам тактики) работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин охарактеризовал меньшевиков как эпигонов «легального марксизма» и экономизма, так как они продолжали ту же тенденцию политического подчинения пролетариата либеральной буржуазии. Но подвергнув меньшевиков убийственной критике, вскрыв методологию и теоретические корни их порочной политической концепции, В. И. Ленин отметил черты, которые роднили меньшевиков с их предшественниками и в более широком смысле. Оппортунизм в практическом отношении не мог не сопровождаться все большим отходом меньшевизма от марксистского мировоззрения в целом.

Разногласия между большевиками и меньшевиками, все более углубляясь, перерастали в конце концов в противоположное отношение к методу и теории марксизма. Марксизм боевой, творческий противостоял марксизму объективистскому, догматическому. Многим очевидцам разгоревшейся борьбы двух фракций партии долгое время казалось, что разногласия меньшевиков и большевиков носят «только» организационный или «только» тактический характер. Эта иллюзия могла держаться некоторое время потому, что меньшевики формально декларировали о своем несогласии с бернштейнианством на Западе, а авторитет одного из лидеров меньшевизма Плеханова, в прошлом блестящего пропагандиста диалектического и исторического материализма, был еще велик.

Но В. И. Ленин в конкретных тактических воззрениях меньшевиков вскрыл признаки их глубокого идейного перерождения. В. И. Ленин показал, что противоположность большевизма и меньшевизма воскрешала былую противоположность двух крыльев марксизма второй половины 1890-х годов — «боевого» и «резонерского».[1] Ленинское утверждение подразумевало не какие-то частные разногласия, а коренное различие в понимании самого духа марксизма и его методологии. Материалистическая диалектика у меньшевиков, как и у всех оппортунистов II Интернационала, заменялась метафизическим подходом к оценке явлений. Унаследованный от струвистов дух объективизма вел к опошлению исторического материализма, к подмене его вульгарным, экономическим материализмом. Воспринятая от экономизма теория стихийности, подкрепляемая догматической трактовкой буржуазной революции, вела все больше к хвостистскому, фаталистическому толкованию задач пролетарской партии.

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 24.

Метафизическая методология меньшевиков прежде всего проявилась в крайней абстрактности их мышления, в отказе от требования конкретно-исторического анализа явлений. Образцом такой абстрактности является оценка характера и движущих сил революции. А этот вопрос являлся, как известно, исходным и решающим в борьбе двух тактических линий.

Меньшевики отстаивали положение, что предстоящая революция в России по своему характеру будет буржуазной, так как она должна очистить буржуазное общество от крепостнических пережитков, но не выведет его за рамки капитализма, и делали отсюда выводы — самым заинтересованным классом и руководящей силой революции является буржуазия.

Положение о буржуазном характере революции само по себе правильно, по указанию В. И. Ленина, но слишком обще и абстрактно. Оно годится для любого века и любой страны, всюду, где столкновение буржуазного строя с крепостническими пережитками вызывает революцию. А между тем, история свидетельствует о том, что в разных странах буржуазные революции происходили в разных конкретно-исторических условиях, при разной степени зрелости капиталистического способа производства и присущих ему противоречий, что именно этими различными условиями и объясняются национально-исторические особенности буржуазных революций XVII, XVIII, XIX и XX веков.

Следовательно, определить экономическое содержание и непосредственные рамки революции как буржуазной, по учению В. И. Ленина, это означает написать только предисловие. Главное же состоит в конкретно-историческом анализе, который только один и может вскрыть особенности данной буржуазной революции и показать какие классы способны быть движущей силой революции, а какие не способны и будут только силами колебания и предательства. Только В. И. Ленин был готов к такому анализу, меньшевики же не шли дальше этого «предисловия», догматически решая вопрос о движущих и руководящих силах революции. Г В. Плеханов, утверждавший в прошлом не раз, что «истина конкретна», оказался теперь во власти метафизической абстракции.

В. И. Ленин, разоблачая попытки меньшевиков выводить движущие силы революции из самого понятия «буржуазная революция», писал: «. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом». [1] Так же, как в свое время струвисты, меньшевики уклонялись от обязанности подлинных материалистов-диалектиков, исследующих исторический процесс: показать не только «какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу», но и «*какой именно класс* определяет эту необходимость». [2]

В. И. Ленин теоретически обосновал, а исторический опыт полностью подтвердил, что русская буржуазная революция может победить только как крестьянская революция под руководством рабочего класса.

Не менее метафизически были высказывания и оценки меньшевиков и по другим вопросам, как например: вооруженное восстание, отношение к временному революционному правительству, отношение

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 10.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 380.

к Государственным думам и т. д. Достаточно напомнить их «принципиальное» отрицание участия социал-демократии во временном революционном правительстве, которое они демагогически прикрывали обвинениями большевиков в «мильеранизме». При этом меньшевики антиисторично отождествляли революционную эпоху с периодом сложившегося буржуазного строя и революционное правительство рабочих и крестьян — с реакционным французским правительством капиталистов Третьей республики.

Отказываясь от конкретного классового анализа буржуазной революции, меньшевики оказывались на позициях метафизики еще и в другом отношении. Метафизик, как подчеркивал Ф. Энгельс, рассуждает по формуле «или -или, а что сверх того, то от лукавого»; революция может быть или пролетарской, или буржуазной, а если революция буржуазная, то следовательно, в буржуазной революции все буржуазно: руководство, экономические последствия и непосредственные политические результаты. Единства и борьбы пролетарской и буржуазной тенденций внутри буржуазной революции меньшевики не допускали так же, как всякий метафизик не допускает единства и борьбы противоположных тенденций внутри любого целостного явления.

Диалектик-материалист в отличие от метафизика должен видеть антагонистичность буржуазного общества. В классовой борьбе каждый антагонистический класс выражает собой противоположную тенденцию. Естественно, что в революции обе эти тенденции должны были получить свое дальнейшее конкретное выражение. Обосновывая в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» тактические решения III съезда, В. И. Ленин раскрыл эти две тенденции в известном учении о двух возможных исходах буржуазно-демократической революции.

По мысли В. И. Ленина, возможны были оба исхода: народный, предполагающий гегемонию пролетариата, и половинчатый, либеральный, предполагающий верховенство антидемократической либеральной буржуазии. Для каждого из них были в русской буржуазной революции реальные условия, и каждый из них *по-своему* мог завершить буржуазную революцию, окончательно снимая тем самым вопрос о возможности такой революции в дальнейшем историческом развитии России.

Это, конечно, не означало, что оба исхода были равно возможны, имели равные шансы. Ленинская идея победоносного исхода буржуазно-демократической революции, осуществляемой при гегемонии пролетариата, была не только программой борьбы, но и предвидением. Иначе говоря, пролетариат, возглавив эту борьбу и парализовав стремление либеральной буржуазии к руководству народным движением, мог рассчитывать именно на победоносный исход. Подобно тому как во всяком единстве противоположностей какая-то одна тенденция — ведущая — соответствует основному направлению процесса, в русской буржуазно-демократической революции XX в. один из двух возможных исходов революции — народный — был наиболее закономерным, исторически оправданным и воплощал ведущую тенденцию общественного развития. Этот исход в наибольшей мере соответствовал исторической необходимости в эпоху империализма и был обусловлен рядом предпосылок и факторов (все возрастающая энергия пролетарского движения, необычайная острота аграрного вопроса и пробуждение широкого крестьянского движения).

Для меньшевиков проблемы союза этих классов в буржуазной революции не существовало, так как они не видели возможности буржуазной революции крестьянского типа, крестьянство оценивали как

косную массу, отрицали классовую заинтересованность пролетариата в буржуазной революции и отводили ему пассивную роль. Признать этот союз меньшевикам мешала их антидиалектическая, метафизическая оценка природы крестьянства, которая была органически связана с антидиалектической точкой зрения на характер и движущие силы буржуазной революции. Они не видели внутренней противоречивости, борьбы противоположных тенденций в самом крестьянстве, так же как и в революции в целом. В меньшевистской концепции изображалось все одним цветом, однозначно: революция только для буржуазии; крестьянство — только мелкособственническая, отсталая масса.

Такую точку зрения меньшевиков разоблачал В. И. Ленин. Бесспорно, крестьянство — мелкобуржуазная масса, которой свойственна в известной мере, как и всем промежуточным слоям капиталистического общества, тяга к компромиссному решению вопросов классовой борьбы.[1] Для крестьянства не исключены колебания в сторону половинчатого исхода революции, на которых и играла либеральная буржуазия. Но в том же крестьянстве имелась и вторая сторона — объективная заинтересованность в доведении до конца демократической революции. Это вторая тенденция определяла (и определила в конечном счете) место и роль крестьянства в демократической революции. Что же касается первой стороны вопроса, то именно она и объясняет, почему крестьянство нуждается в руководстве рабочего класса, почему он должен упорно бороться за крестьянство, почему нужен «просвещающий», как говорил В. И. Ленин, опыт революции. При условии гегемонии пролетариата буржуазная революция в России могла и должна была стать буржуазно-крестьянской, а не буржуазно-либеральной. Но все же к началу революции гегемония пролетариата была только возможностью, хотя и определяющей. Превращение данной возможности в действительность требовало преодоления противоположной возможности. По какому пути пойдет революция, могла решить только борьба. Такова диалектика ленинской стратегической линии.

Меньшевики, отказавшись от конкретно-исторического анализа явлений, утратив умение видеть в явлениях движущие их противоречивые тенденции, потеряв способность улавливать качественное своеобразие и новизну обстановки, окончательно оказались в плену метафизики.

*

С абстрактностью и метафизичностью меньшевистских рассуждений о революции тесно связана и другая методологическая особенность — объективизм. Они стремились занять положение созерцателей, как бы стоящих над борьбой социальных сил и уйти от партийных оценок исторических явлений (а это, как мы дальше увидим, облегчало отказ от вмешательства в ход событий). Меньшевики скатывались к буржуазному пониманию объективности познания, которое выдает поверхностное «фотографирование» фактов за беспристрастное, а потому «объективное» познание. Еще в борьбе со Струве В. И. Ленин показал, что диалектико-материалистическое отношение к фактам в корне отличается от объективистского. Оно требует, чтобы факты были отражены всесторонне, познание не ограничивалось простой констатацией, а давало бы анализ фактов, вскрывало бы выражением каких тенденций развития являются эти

---

[1] Неоднородность крестьянства, рост его капиталистической прослойки в связи с его расслоением, как указывал В. И. Ленин во втором предисловии к работе «Развитие капитализма в России», еще увеличивали эту тягу. (В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 9).

факты, какие противоречия скрываются за ними. Объективизм же ограничивается обычно фактами, лежащими на поверхности явлений, и, отказываясь от диалектического проникновения в сущность явлений, скатывается к апологетике выхваченных им якобы «объективных» и «необходимых» фактов и явлений. Фактически же картину действительности в целом объективизм всегда извращает. Меньшевиков ничему не научили ни ленинская критика объективизма Струве, прикрывавшего апологетику капитализма и, следовательно, буржуазную партийность, ни последующая эволюция «легального марксизма», из которого вырос к началу XX в. откровенный буржуазный либерализм.

Объективистское преклонение перед фактами меньшевики распространили и на историю, некритически выхватывая «факты» из прошлого. Все «факты» истории, по их мнению, свидетельствовали о том, что буржуазные революции проходили под руководством буржуазных классов и приводили к длительному господству буржуазного режима, а объективность ведь требует подчинения фактам. Меньшевики пользовались девизом: «Так было, значит, так должно быть». Метод механически применяемых исторических аналогий стал для них основным. Они отрицали все, что не имело исторического прецедента: «не может быть» гегемонии пролетариата в буржуазной революции, «не может быть» революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства или перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую прежде всего потому, что в истории таких фактов не было.

Развитие ленинизма доказало, что нужен партийный, глубокий, всесторонний и диалектический подход к истории, чтобы разобраться, почему в прошлом не было таких фактов, чтобы пролетариат руководил буржуазной революцией, и вытекает ли отсюда, что таких фактов не может быть и не будет в будущем.

Оценить с классовой позиции пролетариата факты прошлого это означало, по мнению В. И. Ленина, определить с полной объективностью и историчностью (т. е. анализируя факты в связи со всеми породившими их историческими условиями), какие из них были прогрессивными и какие реакционными. Для марксистов прогрессивно все то, что содействует быстрейшему развитию производительных сил общества и развитию классов и классовой борьбы, так как последняя является движущей пружиной истории в антагонистическом обществе. Объективное положение рабочего класса в капиталистической формации таково, что он заинтересован в развитии общества, представляет будущее человечества. Поэтому все в прошлом и настоящем, что содействует быстрейшему развитию общества (все прогрессивное), тем самым подготавливает условия для конечной победы пролетариата и победы социалистического строя.

С марксистско-ленинской точки зрения историческая наука не должна быть нейтральной, объективистской. Только с партийной марксистско-ленинской позиции можно было разглядеть как в истории пробивались две тенденции (два типа) буржуазной революции: народной (последовательной) и верхушечной (половинчатой) — французской революции 1789—1793 гг. и прусской революции 1848 г.[1] Прогрессивная тенденция в буржуазных революциях прошлого была представлена именно народной революцией, уничтожившей феодальные пережитки «плебейскими» методами.

---

[1] Одну из своих статей (набросков) 1905 г. В. И. Ленин так и назвал «Революция типа 1789 или типа 1848 года». — Соч., т. 8, стр. 228.

Анализ истории подвел В. И. Ленина к исследованию вопроса о том, в какой форме сможет победить наиболее прогрессивная тенденция буржуазной революции в эпоху, когда капитализм стал загнивающим, а соотношение классовых сил резко изменилось. Если при зарождении капитализма буржуазия была еще способна выделить радикальную фракцию (во французской революции 1793 г. — якобинцы), которая возглавила народную революцию и, олицетворяя наиболее демократические, народолюбивые тенденции своей эпохи, противостояла соглашательской фракции крупной буржуазии (жирондисты) [1], то в эпоху загнивающего капитализма реакционная буржуазия на это была уже неспособна. Единственной силой, которая могла в эту эпоху возглавить народные массы и воплотить последовательную, народно-демократическую тенденцию в буржуазных революциях, являлся пролетариат. Именно его сознательное руководство должно было обеспечить и предельную последовательность революционно-демократических преобразований и неизбежность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Опыт революции 1905 г. и февральской революции 1917 г. в России и народно-демократических революций эпохи общего кризиса капитализма в других странах полностью подтвердил этот тезис.

Таким образом, борьба двух тенденций в буржуазных революциях была конкретизирована и получила новое содержание в ленинской идее двух возможных исходов буржуазно-демократической революции, в идее гегемонии пролетариата, как необходимого условия победоносного (народного) исхода.

Меньшевики метафизически отрицали возможность борьбы двух противоположных тенденций внутри единой революции и, соответственно, не хотели оценить какая же из познанных противоречивых тенденций прогрессивнее. В объективизме меньшевиков оба эти мотива переплетались и питали друг друга. Подобно «легальному марксизму» они считали, что внесение в историческую науку критерия прогрессивности и связи с социалистическими интересами пролетариата вносит субъективизм и произвол, как будто историческая прогрессивность и интересы пролетариата сами не были строго объективны в своей основе или как будто объективистское уклонение меньшевиков от пролетарской партийности фактически не приводило их немедленно на позиции буржуазной партийности.

Сама постановка вопроса, что прогрессивно, и что реакционно, стремление сознательно (т. е. с партийной, строго объективной точки зрения) оценивать исторические явления обусловливается и стимулируется участием познающих (идеологов, партий) в практике классовой борьбы. Таким образом подтверждается основной тезис диалектико-материалистической теории познания: практика входит в процесс познания.

Для большевистской стратегии и тактики характерно, что все ее положения, все связанные с ней исторические оценки обобщения даются от лица революционного пролетариата, который участвует в историческом развитии, оценивает его с классовых и вместе с тем объективных позиций и ставит перед собой в этой связи определенные задачи. Меньшевики же судили об историческом процессе не как участники, а как зрители (в третьем лице). В. И. Ленин называл их резонерами потому, что из объективистских, претендующих на нейтральность, поверхностных описаний и рассуждений не вытекало никаких задач для

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 196.

тех, кто описывает и рассуждает. Разительный контраст большевистской партийности и меньшевистского объективизма демонстрирует В. И. Ленин, сличая резолюции III съезда партии и меньшевистской женевской конференции по вопросу о временном революционном правительстве. Резолюция большевистского съезда говорила о том, что «мы, партия пролетариата», должны завоевать демократическую республику, что за полную свободу мы должны бороться «. не только с самодержавием, но и с буржуазией, когда она будет пытаться отнять» у рабочего класса его завоевания. Резолюция же конференции, характеризуя назревшую в России революцию, говорила о ликвидации сословно-монархического режима «в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества».[1]

В. И. Ленин дал следующую характеристику этим резолюциям: «Резолюция съезда зовет на борьбу определенный класс за точно определенную ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонерством».[2]

По мысли В. И. Ленина, надо было излагать не общие истины о «политически освобожденном обществе», а формулировать злободневные, конкретные задачи по освобождению этого общества. Объективизм наложил свою печать, саркастически подмечал В. И. Ленин, даже на язык меньшевистских решений («язык каких-то архивных заседателей»), на тон их («вместо бодрого призыва какой-то меланхолический взгляд назад»), на общий стиль («точно не живые люди а одеревеневшие мумии, которые рассматривают вопрос с точки зрения plusquamperfectum»[3]).

Объективизм меньшевиков был обусловлен, прежде всего, оппортунизмом их политической позиции, требовавшей приспособления тактики социал-демократии к политической программе буржуазии. Но он имел и философские корни. В основе объективизма лежит метафизический, формально-логический метод мышления.

Меньшевики от декларативного признания философского материализма и диалектического метода все больше скатывались к догматике и метафизическому методу. Таким образом, метафизическое мышление и в этом случае облегчало подмену диалектико-материалистического понимания задач социальной науки объективистским. Не случайно Г. В. Плеханов в 1894 г. не разглядел объективизма Струве и не придал значения гениальному ленинскому противопоставлению двух систем воззрений — объективизма и подлинного материализма. Он не понял, насколько буржуазен по самой своей классовой и исторической сути всякий материализм, который ограничивается задачей пассивного отражения действительности. Между тем К. Маркс в своих тезисах о Л. Фейербахе, обнажил глубочайший, принципиальный скачок, который совершил пролетарский диалектический материализм: «философы только истолковывали мир. а дело состоит в том, чтобы изменить его».[4]

Как только меньшевики отступили в своих политических и практических взглядах от революционного отношения к окружающей действительности, они и в своем мировоззрении скатились к буржуазному объективизму. Объективизм, бывший в течение очень короткого,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 23—24.
[2] Там же.
[3] Давно-прошедшего времени.
[4] К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. Избр. соч., . II, стр. 383.

переходного этапа классового самосознания русской либеральной буржуазии ее идеологическим знаменем («легальный марксизм»), теперь становится идеологическим знаменем ее мелкобуржуазной агентуры в рабочем движении. Напротив, сознательное включение в философский материализм точки зрения практики и классово-партийной оценки позволило Ленину подняться на подлинно творческие, диалектические позиции в разработке политических основ марксистской партии. Только ленинизм продолжил и развил политические и философские принципы революционного марксизма.

Объективистское отношение к историческому процессу обусловило все более догматическое и начетническое отношение меньшевиков и к теоретическому наследству Маркса и Энгельса. Если история есть лишь цепь повторяющихся фактов и циклов развития классовой борьбы, если для партии она становится лишь объектом для механических аналогий и стороннего наблюдения, а сознательная деятельность организованного в революционную партию рабочего класса ничего не может изменить в стихийном ходе классовой борьбы, то и учение Маркса и Энгельса превращается лишь в источник цитат исторических оценок и догм. А объективизм и догматизм вели меньшевиков прямой дорогой к предательству.

Не удивительно, что стремление меньшевиков выдавать себя за правоверных учеников Маркса, вызывало возмущение и саркастические насмешки Ленина. Он писал: «Про таких людей . Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: „Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох"». [1]

Объективизм лжемарксистов находит свое конкретное выражение и обязательное дополнение в так называемом «экономическом материализме», т. е. в опошлении материалистического понимания истории.

Струвисты в период расцвета «легального марксизма» кичились тем, что при ревизионистском отношении к марксистскому мировоззрению в целом они являются сторонниками «экономического материализма» — на их взгляд, самой объективной и научной части марксизма. Свою апологетику капитализма и призыв «пойти на выучку к капитализму» они прикрывали преклонением перед исторической необходимостью, «непреодолимыми тенденциями» экономического развития. Спекуляцией на якобы «марксистских» словечках — «необходимость», «закономерность» — они стремились придать наукообразное облачение главному выводу и основной «морали» струвизма: против исторической необходимости (читай: против капитализма) не пойдешь!

Социал-демократы «экономистского» направления, воспринявшие «марксизм» из рук Струве и Бернштейна, также считали главным в нем учение о причинной зависимости всего хода истории от экономического развития. Понимая эту зависимость крайне узко и метафизически, они утверждали, например, что рабочей партии в России незачем выдвигать какие-либо неотложные задачи борьбы за политическое преобразование страны, так как «политика следует за экономикой», а следовательно, и политические изменения будут автоматически следовать за экономическими, вырастать из экономического развития. Культ стихийности в рабочем движении также был прямым выводом из объективизма и «экономического материализма»: если общественное познание не оставляет

---

[1] В. И. Ленин. Соч., . 3, стр. 6.

места для партийных оценок и надо склонить голову перед фактами, если экономическая необходимость прокладывает себе путь стихийно без участия людей, то и партии в рабочем движении остается только преклониться перед стихийностью движения масс.

Ленинская критика тактического оппортунизма меньшевиков показала, насколько меньшевики — подлинные эпигоны легального марксизма и экономизма — обедняли и упрощали марксистское понимание исторической закономерности.

Становясь на объективистские позиции по отношению к историческому процессу, уходя от конкретного анализа классовых противоречий в буржуазной революции, скатываясь к теории стихийности в рабочем движении, меньшевики тем самым все больше подменяли исторический материализм вульгарным, метафизическим «экономическим материализмом».

Что же в свете ленинского учения является основным пороком «экономического материализма», а следовательно, и политической линии меньшевиков? Во-первых, «экономические материалисты», меньшевики смазывали относительную самостоятельность, обратное влияние и активную роль в истории идеологических и политических надстроек. Они отождествляли, по сути дела, историческую и экономическую закономерность [1], в то время как последняя в действительности является только основанием первой. Экономическое развитие дает направление всему историческому движению и обуславливает объективный характер всех законов общественного развития, но осуществление общественно-исторической закономерности, вся сознательная общественная деятельность людей предполагает взаимодействие экономики, политики и идеологии. Эта диалектика особенно ярко проявляется в периоды революций. Во-вторых, «экономические материалисты», меньшевики не связывали экономические законы общественного развития (классового общества) с классовой борьбой. Метафизически рассматривая общественный способ производства, без учета его внутреннего основного противоречия, антагонистических отношений классов, а уровень производительных сил — как механическую «причину» всей исторической эволюции, они выхолащивали из экономического развития все его противоречивое классовое содержание. Наконец, в-третьих, «экономические материалисты», меньшевики затушевывали активную роль и многообразие форм классовой борьбы, особенно творческую роль народных революций и революционных периодов истории общества. С позиций «экономического материализма» невозможно выйти за рамки либерального, струвистского понимания классовой борьбы как приспособления к данной системе производственных отношений с помощью реформ, в том числе реформ, направленных на демократизацию государственного строя.

Только исторический материализм раскрыл объективное содержание и конечную тенденцию классовой борьбы эксплуатируемых классов: борясь против своих антагонистов, они взрывают те самые классовые производственные отношения, звеном которых они сами являются, и тем самым разрешают основное противоречие данного способа производства. Открытый Марксом закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил вытекает из противоречий общественного способа производства, но предполагает, что разрешаются эти противоречия (в истории классового общества) только через классовую борьбу.

---

[1] К тому же «экономические материалисты» со свойственной им буржуазной ограниченностью отождествляли экономическую закономерность со стихийно действующими законами экономики капиталистического общества.

Меньшевики, утверждавшие в борьбе против большевиков, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства противоречит *«всему ходу хозяйственного развития»* [1], изменяли и материалистической диалектике и марксистскому пониманию закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Какова была, в сущности, социологическая подоплёка всей их тактики в революции? Экономическая необходимость ведет Россию к расцвету капиталистического общества; экономически господствующим классом в капиталистическом обществе является буржуазия. Следовательно, говорили меньшевики, буржуазия через революцию должна стать и политически господствующим классом. Тогда надстройка придет в соответствие с капиталистическим базисом, а капиталистические производственные отношения упрочатся в соответствии с уровнем производительных сил. Таким образом, меньшевики из узко понятой экономической необходимости строили еще более упрощенные, однозначные политические выводы.

Пытаясь объяснить ход исторического развития (а следовательно и задачи революции) *непосредственно* экономическим развитием и делая события политической и идеологической истории общества лишь пассивными спутниками его, они крайне упрощали и обедняли действительную историю общества.

Не по-марксистски, как учил В. И. Ленин, говорить об экономической необходимости, абстрагируясь от анализа выражающих эту необходимость классовых интересов, разных у разных классов и иногда сталкивающихся. Но само понятие «классовые интересы», к которому часто прибегали и меньшевики, нельзя сводить к ближайшим экономическим интересам. Речь идет именно о классовых интересах, определяемых местом данного класса в системе производственных отношений и взаимоотношениями его с другими классами, а следовательно, и с государством. Поэтому они включают и экономические, и политические его нужды, кристаллизуются через политику, через борьбу, получая свое сознательное выражение в программных требованиях и конечных целях данного класса. Как следовало из учения В. И. Ленина, экономическая необходимость периода буржуазной революции состояла в том, что дальнейшее развитие производительных сил капиталистического общества упиралось в пережиточные формы феодальных производственных отношений, а также в устаревшую феодальную политическую и правовую надстройку. Но преломлялась эта экономическая необходимость через интересы крестьянства, буржуазии и пролетариата по-разному.

Крестьянство было исторически антагонистом феодалов-крепостников. Именно оно своей борьбой взрывало в прошлом феодальные производственные отношения и в настоящем заинтересовано было в радикальном решении этих задач в России. Коренное отличие России от капиталистических стран Запада состояло в том, что она еще не изжила период буржуазно-крестьянских войн против феодалов.

Буржуазия также страдала в известной степени от феодальных пережитков, от государства крепостников, но не как класс-антагонист, а как класс-конкурент, представлявший в сравнении с феодалами иную, более прогрессивную разновидность частнособственнического уклада, не исключающую для крепостников и буржуазии возможности совместного существования в рамках одной капиталистической формации. Кроме того, классовые противоречия современного капитализма и при-

---

[1] См.: В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 346.

зрак приближающейся пролетарской революции, накладывая на буржуазию печать политической реакционности, толкали ее к сделке с общественными силами прошлого. Таким образом, только совокупность всех экономических и политических условий объясняла, с точки зрения Ленина, позиции либеральной буржуазии в революции.

Еще меньше можно объяснить последовательную революционность пролетариата в буржуазно-демократической революции одними непосредственными экономическими интересами. Сознательный пролетариат стремился возглавить революционное крестьянское движение, чтобы внести в него столь недостающую крестьянству организованность и ясность политической программы. И стремился он к этому, главным образом, чтобы использовать завоевания и опыт буржуазно-демократической революции для перехода к революции социалистической. Именно потому что цели пролетариата шли дальше буржуазно-демократической революции, в период этой революции его интересы совпадали с интересами всего крестьянства, а не либеральной буржуазии.

Подводя итоги своему всестороннему экономическому и политическому анализу классов в русской революции, Ленин настаивал на том, что крестьянская революция при гегемонии пролетариата даст революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Такая диктатура не остановит капиталистического хозяйственного развития, так как сама по себе (без перехода к следующим ступеням классовой борьбы) не выходит за рамки буржуазного (антикрепостнического) содержания революции. Но так как она олицетворяет «плебейскую» народную расправу с крепостничеством и создает условия для свободного развития капитализма и классовой борьбы, то она противоречит классовой программе и корыстным целям либеральной буржуазии. Это и путали меньшевики, с пеной у рта противопоставляя большевистский лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства буржуазному экономическому содержанию революции.

Еще в большей мере проявлялась оппортунистическая слепота меньшевиков и вульгаризация экономической необходимости в том, что они рассматривали очищение исторического пути для капитализма как самоцель, отвергая всякую возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Напротив, В. И. Ленин исходил из того, что запоздалая русская буржуазная революция происходила в новую эпоху — загнивания капитализма и что классовое созревание пролетариата и крестьянской бедноты в процессе революции будет осуществляться бурными темпами. Таким образом, ленинская программа перерастания революции, конечно, исходила из экономической необходимости и объективных классовых противоречий. Но это была созревшая в XX в. экономическая необходимость смены капитализма социализмом, по отношению к которой экономическая необходимость упразднения феодальных пережитков в России выступала уже как момент подчиненный.

Вульгаризаторские возражения меньшевиков против революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как надстройки, не соответствующей буржуазному базису, расходились с жизнью. Действительно русская революция на данном своем этапе могла привести к созданию только демократической надстройки. Но, во-первых, революция означала слом старой надстройки, в ходе ее рабочий класс и крестьянство, в противовес либеральной буржуазии, стремился создать демократическую надстройку «по-своему»;[1] во-вторых,

[1] См.: В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 192.

в противоположность обычной буржуазной надстройке, революционно-демократическая диктатура, будучи государственным воплощением союза пролетариата и крестьянства, в борьбе за демократическую программу не ставила своей целью закрепление и увековечение капиталистических отношений. Правда, экономическим следствием революционного уничтожения крепостничества неизбежно было развязывание бурного капиталистического развития. Но борьба классов за государственную власть не следует автоматически за каждой данной ступенью развития капиталистической экономики. Осуществление демократической программы революции (именно в силу этого быстрого развязывания капитализма в стране) неизбежно вело к распаду единого крестьянского фронта и, следовательно, к изменению социальной базы революционно-демократической диктатуры.

Демократическая диктатура, по учению Ленина, должна была явиться надстройкой не обычного, а революционного типа, «организацией не «порядка», а организацией войны».[1] Целью пролетариата, как ведущего участника этой диктатуры, было непосредственное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, враждебную всем эксплуататорам города и деревни (включая кулацкую часть крестьянства). К тому же капитализм в мировом масштабе становился загнивающим, реакционным. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства вовсе не стремилась исчерпать все экономические возможности развития капитализма, заложенные в победе демократической революции, а как власть переходного типа в ходе революции должна была перерасти в социалистическую диктатуру пролетариата. Победа же последней вообще сняла бы вопрос о стихийном развитии капитализма, заменив его вопросом о борьбе социализма с капитализмом в рамках переходного периода.

Вместе с тем только ленинская стратегия борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства и ее перерастание в процессе революции в социалистическую диктатуру пролетариата давала возможность народу избежать опасность реставрации власти реакционной буржуазии. Последняя оставалась неминуемой, если бы революция не вышла за пределы капиталистического общества, поскольку либеральная буржуазия, становясь все более реакционной, объединилась бы с силами разбитого в революции крепостнического дворянства и получила бы новые резервы в деревне в лице получившего землю и поправевшего зажиточного крестьянства. Если не идти вперед, движение назад — неизбежно! С позиций «экономического материализма» подобная стратегия была бы невозможна. Ее соответствие объективным и диалектическим законам общественного развития подтвердил опыт 1917 г. и революций в странах народной демократии.

Характерным следствием объективизма и «экономического материализма» является фатализм. Если историческая закономерность отождествляется с экономической необходимостью, то в процессе исторического развития не усматривается классовых антагонистических сил. Если сущность исторического процесса рассматривается как следствие экономической необходимости, то историческая закономерность выглядит, естественно, в виде какой-то неумолимой внешней силы, некоего фатума, действующего независимо от воли и сознания людей. Меньшевики

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 353.

догматически, формально присоединялись к марксистской формуле: «свобода есть познанная необходимость», но на деле относили свободу только к познанию, а не к деятельности людей; творческой деятельности на основе познанной необходимости — они не признавали. В их толковании народные массы, хотя и выступают как необходимое звено исторического процесса, но ничего творческого в него не вносят и не могут внести. Если к этому добавить третирование меньшевиками партии и хвостистское понимание ее роли, умаление ими роли идеологии в классовой борьбе, трактовку исторической неизбежности как полной предопределенности развития, то фаталистический характер взглядов меньшевиков будет характеризован полностью.

Марксистско-ленинское понимание исторической закономерности лишено в равной мере как субъективистского произвола идеалистов, так и фатализма объективистов и вульгарных материалистов. Историческая закономерность объективна и не зависит от воли людей, но она не исключает сознания и воли людей, поскольку эта закономерность не является внешним началом для общества и сама складывается из деятельности людей.

Ленин еще в своих ранних работах, направленных против Михайловского и Струве, разъяснял, что в обществе всё есть деятельность. Но есть различные виды деятельности. Производственная деятельность материальна, потому что она складывается независимо от общественного сознания людей, и выступает как первичная по отношению к политической и идеологической деятельности. А идеологическая и политическая деятельность, в которой огромную роль играют воодушевляющие людей общественные идеи и организующие людей партии, обусловлены материальной, трудовой деятельностью людей. Таким образом, историческая закономерность не абстрагируется от деятельности людей, а отвечает на вопрос, каким объективным законам подчинена человеческая деятельность.

Исторический материализм раскрывает подлинную роль народных масс в истории. Личности играют определенную роль, но прежде всего, как личности, из которых складываются массы. Массы производителей, трудящихся двигают вперед развитие общественного производства. Столь же определяющую роль играют массы в политической истории общества, хотя внешне на первый план здесь выступают политические учреждения, вожди, партии, идеи.

Политическая история общества — это история классовой борьбы. Классовая борьба неразрывно связана с идеологией людей, со всей субъективной стороной их жизни. В политической деятельности людей при наличии назревших объективных противоречий решающую роль играют воодушевляющие людей идеи, их энергия и инициатива, степень организации и мобилизованности борющихся классов. Ленин писал: «марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами».[1]

Ленин придавал огромное историческое значение организующей роли пролетарской партии, никогда не противопоставлял ее деятельность деятельности пролетариата и народных масс в целом. В ленинской

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 21—22.

оценке нет никакого деления роли и исторического влияния между партиями и политическими вождями, с одной стороны, и народными массами, с другой. Партии и отдельные исторические личности выступают, с точки зрения исторического материализма, как условия, предпосылки развязывания энергии деятельности классов и народных масс. Если первые правильно отражают объективные интересы народных масс, то их деятельность никак не может развертываться «за счет» деятельности масс. Наоборот, чем крепче, сильнее, выше по своему идейному и организационному уровню партия (например пролетарская), тем шире и глубже развертывается и революционная деятельность самого класса (в нашем примере — пролетариата). Ленин еще в работе «Что делать?» подчеркивал, какие богатые возможности открывает марксизм для революционной стратегии и тактики пролетарского авангарда, «отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов „стихийно" поднимающегося на борьбу рабочего класса».[1]

Особенно расцветает и ярко проявляется творческая роль народных масс в периоды революций. Революции — не только «локомотивы истории» (Маркс), не только скачок в поступательном движении общества, но и «праздник угнетенных», как называл их Ленин.

В. И. Ленин не уставал повторять, что в революционные дни энергия, инициатива, активность масс возрастают во сто крат, по сравнению с «обычным» развитием. Творческая роль народных масс в политической истории проявляется в заметной степени именно в революционной деятельности (мы не говорим о социалистическом обществе, в котором народ становится строителем и хозяином жизни вообще), когда массы создают новые формы классовой борьбы, новые формы организации (в 1905 г., например, Советы), когда к политической жизни впервые приобщаются миллионы ранее забитых, индифферентных людей. Ленин многократно отмечал, как блестяще подтвердил это коренное положение революционного марксизма опыт 1905 г. в особенности, октябрьско-декабрьского его периода. В революционные моменты особенно ярко проявляется и субъективно-сознательная сторона деятельности людей. В такие периоды, как уже отмечалось, большие возможности получают революционные партии, для того чтобы наложить свой отпечаток на ход и направление исторического развития. Оглядываясь назад, Ленин уже после поражения революции писал: «Если за партией в несколько тысяч сознательных передовиков рабочего класса поднялся в конце 1905-го года миллион пролетариев, то теперь наша партия, насчитывающая десятки тысяч искушенных в революции социал-демократов, поведет за собой десяток миллионов и сломит врага».[2]

В ленинском понимании исторической закономерности, в отличие от меньшевистского, нет и тени фатализма, предопределенности. Если народным массам принадлежит революция, творческая роль, то им, следовательно, принадлежит и последнее слово в том, *как* будут протекать исторические события.

В связи с ленинской критикой объективизма и экономического фатализма меньшевиков надо отметить еще одну особенность ленинского толкования исторического процесса. Как Ленин ставил вопрос об исторической неизбежности? Историческая закономерность лишь в конечном свете, лишь в большом историческом плане толкуется им как абсолютная неизбежность. На каждом же данном историческом этапе

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 363.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 103.

темпы и формы — а значит в известном, ограниченном смысле и направление — развития могут сложиться по-разному, в прямой зависимости от борьбы классов, от деятельности масс, от всех тех субъективных и объективных условий, которые способствуют деятельности масс. Так как основных антагонистических классов два, то и историческое развитие получают на каждом данном отрезке истории в виде альтернативы две основных возможных перспективы. Наиболее ярким образцом такого толкования истории явилась та же ленинская постановка вопроса о двух возможных исходах буржуазно-демократической революции.

С точки зрения Ленина, буржуазно-демократические преобразования в России исторически необходимы, а потому и совершенно неизбежны. Они, в свою очередь, составляют ступень или момент в еще более глубокой исторической неизбежности социализма. Но поскольку борьба классов обусловливает возможность двоякой формы развития (двоякого исхода) буржуазно-демократической революции, партийная диалектико-материалистическая, а не объективистская, позиция обязывает сообразоваться с генеральной линией исторической закономерности и бороться именно за наиболее последовательный вариант демократической революции. Народный исход революции не только выражает интересы пролетариата, но и в наибольшей мере совпадает с этой генеральной линией исторического развития.

Исторический опыт революции 1905—1907 гг. показал, что хотя революция потерпела временное поражение, классовая борьба в России развивалась именно по пути утверждения гегемонии пролетариата в революции. Если бы демократическая революция развернулась в стране, где пролетариат еще не успел политически созреть, и закончилась бы половинчатым исходом, изменилось ли бы в конечном счете направление исторического развития, обусловленное объективными особенностями эпохи империализма? Конечно, нет. Генеральная линия исторической закономерности современного общества, разумеется, проложила бы себе дорогу и при таком исходе буржуазной революции. Но такой вариант исторического развития означал бы отклонение от прямого, скорейшего осуществления исторической закономерности. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую в такой стране оказалось бы невозможным, сроки победы социализма отодвинулись бы, классово-политическое созревание пролетариата и всех полупролетарских слоев населения города и деревни затянулось бы, и народным массам пришлось бы пережить немало мучений и лишений.

Только оппортунисты могли чисто объективистскими доводами оправдать такую перспективу, как это делали после временного поражения революции меньшевики, скатившиеся к ликвидаторству. Они говорили, что история не идет прямолинейными путями, что марксисты должны «объективно признавать», считаться с самыми запутанными и тяжелыми зигзагами истории. Как разъяснял Ленин, это — бесспорная для марксистов истина, из разряда тех общих истин, за которыми так любили прятаться меньшевики, чтобы уйти от конкретных вопросов и от своих революционных обязанностей. Но это «нисколько не относится к вопросу о том, как быть марксисту, когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути А революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути

развития на сравнительно очень продолжительное время».[1] Эти замечательные слова с поразительной ясностью характеризуют материалистический и глубокопартийный характер марксистского понимания истории.

Только ленинская постановка вопроса, сохраняя полную убежденность в силе и конечной неизбежности действия объективной исторической закономерности, создает наибольший стимул для включения в нее свободной, сознательной деятельности революционного пролетариата и всех прогрессивных сил общества.

Как уже отмечалось, объективистское преклонение перед фактами в применении к рабочему движению вылилось в преклонение перед его стихийностью, в отрицание подлинно авангардной роли партии. В этом же направлении влиял весь строй идей вульгарного материализма, растворявшего субъективные факторы человеческой деятельности в экономической необходимости. Естественно, что меньшевики, подпавшие под влияние объективизма и экономического материализма, воскресили культ стихийности в рабочем движении, став эпигонами экономизма. Непосредственное содержание экономизма (сведение рабочего движения к внутренним, «чисто рабочим» вопросам) уже умерло. Но то, что составляло действительную основу экономизма — дух хвостизма, его практическое и теоретическое преклонение перед стихийностью, возродилось и стало развиваться у меньшевиков, по-новому преломляясь.

Характерно, что по мере углубления идейных несогласий с большевиками (еще в стадии борьбы по организационным вопросам) меньшевики задним числом начали ревизовать ленинскую критику теории стихийности, развитую в работе «Что делать?», обвиняя Ленина в перегибах, в переоценке момента сознательности в рабочем движении и даже в идеализме.[2] Но рецидив культа стихийности происходит даже не столько в виде нападок на ленинскую принципиально-теоретическую постановку вопроса о стихийности и сознательности, сколько в преклонении меньшевиков перед стихийностью в конкретных вопросах тактики и жизни партии. Уже само отношение меньшевиков к созыву партийного съезда в начале 1905 г. характеризовало их непонимание роли партии и ее тактических лозунгов в классовой борьбе пролетариата.

Ленин был вынужден давать отповедь меньшевикам не только по существу тактических разногласий, но и по поводу их пренебрежительного отношения к задаче партии выработать принципиально-выдержанные тактические лозунги, их тенденции, принизить значение таковых, особенно в ходе революции. Ленин писал: «Мы не можем удовлетворяться тем, чтобы наши тактические лозунги ковыляли вслед за событиями, приспособляясь к ним после их совершения. Мы должны стремиться к тому, чтобы эти лозунги вели нас вперед, освещали наш дальнейший путь, поднимали нас выше непосредственных задач минуты. Чтобы вести последовательную и выдержанную борьбу, партия пролетариата не может определять своей тактики от случая к случаю».[3] Позиция Ленина вытекала прежде всего из понимания партии как политического авангарда, который должен поднимать рабочие

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 8.

[2] Имеется в виду статья Г. В. Плеханова «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» («Искра», 1904 г., № 71/72).

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 132.

сы до уровня пролетарской революционной идеологии, а не приспо-ливаться к стихийному движению. Если сама сущность партии оит в том, что она воспитывает свой класс в борьбе за конечные и, то тактика партии в классовой борьбе пролетариата должна ыть подчинена борьбе за эти конечные цели, или иначе говоря, так-ика должна быть составной частью революционной стратегии. Широ-ие массы, как постоянно учил Ленин, просвещаются в классовом отно-ении больше всего на своем жизненном опыте, в практике революци-ной борьбы, но только в том случае, если партия организует эту рактику своей правильной тактикой и вносит классовое сознание массы в процессе руководства этой практикой. Поэтому тактика пар-и должна быть целеустремленной и планомерной.

С другой стороны, ленинская тактика обусловлена была также всем его учением о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократи-ческой революции и двух возможных ее исходах. Если нет фатальной предопределенности в формах развития буржуазной революции и ее исходе, если вопрос решается борьбой классов, то на определенной ступени обострения революционного кризиса, вызванного объектив-ными причинами, главную роль может сыграть степень сознательно-сти и воодушевленности масс. А это в основном определяется деятель-ностью и влиянием партии. Поэтому в борьбе двух исходов революции решающим фактором, который может обеспечить победу народного исхода, и будет пролетарская партия, ее организующая и мобилизую-щая деятельность, ее тактика.

Борьба Ленина с меньшевиками по тактическим вопросам развер-нулась тогда, когда уже проявилось качественное своеобразие рево-люционного периода. Хвостистские тенденции меньшевиков, подкреп-ляемые их буржуазно-объективистской оценкой революции, приняли форму отстаивания тактических лозунгов и методов борьбы, выражаю-щих вчерашний день истории. Эти лозунги сыграли свою роль на том этапе классовой борьбы, когда главной чертой была «молекулярная работа» по подготовке революционных сил. Меньшевики не хотели по-нять, что период революционной ситуации — это время, когда «критика оружия сменяет оружие критики». Они постоянно твердили старые истины о пользе пропаганды и агитации, экономической борьбы, кри-тики буржуазной государственности, в то же время им были чужды но-вые задачи и лозунги: военная и организационно-техническая подго-товка вооруженного восстания, временное революционное правитель-ство, революционно-демократическая диктатура пролетариата и кре-стьянства и т. д.

Культ стихийности как сущность оппортунизма, вскрывающая его чуждую марксизму природу, особенно ярко проявился у меньшевиков в вопросе о вооруженном восстании. Формально признавая неизбеж-ность народного вооруженного восстания против царизма, меньшевики в своем практическом отношении к нему оставались на общепропа-гандистских позициях, характерных для предреволюционного, искров-ского периода. Они уходили от признания того, что восстание необ-ходимо и уже назрело.

Тем самым они уклонялись от той ответственности и тех обязан-ностей, которые ложились на революционную партию в связи с вопро-сом о восстании. В общих рассуждениях меньшевиков о классовых, эко-номических корнях революции тонули все вопросы непосредственной практической подготовки вооруженного восстания, называемые ими «техническими». Вопрос о необходимости восстания (в классовых интересах пролетариата и народной революции) они объективистски

подменяли разговорами о его неизбежности. Уход от пролетарской партийной оценки восстания как необходимой формы народной революции прикрывал на деле буржуазную позицию отрицания организованного и имеющего перед собой ясную классовую программу восстания. Мартынов еще до III съезда партий писал в квазимарксистском духе, что назначаются и организуются только дворцовые перевороты, а революции совершаются сами.

Это и было теоретической основой меньшевизма в вопросе о восстании. Разоблачая меньшевиков, Ленин показывает, что хвостизм социал-демократической партии по отношению к массовому движению в условиях 1905 г. означал хвостизм пролетариата по отношению к либеральной буржуазии. Отказываясь от внесения сознательности и организующей роли партии в стихийно развивающееся народное восстание, меньшевики почти буквально перепевали «освобожденцев», также ругавших большевиков за увлечение «заговорщичеством», «конспирацией», военно-технической стороной дела и т. д. Меньшевики, совершенно аналогично «экономистам», продолжали повторять революционные слова, но вкладывали в них (на основе культа стихийности) совершенно иное, оппортунистическое содержание. Экономисты «признавали» политическую борьбу, но в стихийном истолковании она становилась только тред-юнионистской борьбой «с хозяевами и правительством». Меньшевики тоже признавали вооруженное восстание, но в стихийном истолковании восстание ни к какому свержению самодержавия не вело, а становилось только средством в руках либеральной буржуазии для шантажирования правительства и для последующей сделки с ним.

Большевики как марксисты исходили из того, что партия не может произвольно, по собственному желанию вызвать революцию. Созревание революционного кризиса обусловлено совершенно объективными противоречиями своего времени.

Плоды прошлой деятельности партии, сливаясь с нарастанием классовой борьбы в стране, сами становятся объективными предпосылками развертывания новой организаторской деятельности партии.[1] Но теперь, когда нарастание дошло уже до такой ступени, что революционная ситуация созрела или, как говорил Ленин, народное восстание стало фактом, революционная ситуация не только создает объективные предпосылки, но и обязывает партию ко вмешательству в ход решающих событий. Субъективно сознательная сторона движения, олицетворяемая руководящей ролью революционной партии, на этом этапе может определить исход революционной ситуации. На такой ступени развития партия может и должна способствовать кристаллизации революционного кризиса и в нужный момент его использовать, планомерно и целеустремленно направляя всенародное вооруженное восстание. Ленинское понимание роли партии в восстании, как высшей ступени революции, особенно блестяще было им проиллюстрировано на анализе вопроса о том, какие уроки должны быть извлечены партией из поражения декабрьского восстания. Плодом этого анализа явилась образцовая тактика партии в вооруженном восстании 1917 г. Плехановское же «не надо было браться за оружие» было логическим завершением хвостизма меньшевиков.

---

[1] В. И. Ленин писал: «Долгая, невидная работа руководства всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, работа созидания прочной, выдержанной партии предшествовала взрыву действительно массовой борьбы и обеспечила условия превращения этого взрыва в революцию». Соч., т. 13, стр. 102.

Учение о партийности социальной науки, об исторической закономерности как объективно обусловленной деятельности народных масс, о классовой борьбе, как диалектическом единстве экономики, политики и идеологии — все это было развито Лениным в борьбе против лжемарксистского оппортунизма и восполнило теоретические основы политики нашей партии. Ленинская установка о выборе (на основе учета борющихся между собой исторических тенденций) кратчайшего пути, в наибольшей мере совпадающего с генеральной линией исторической закономерности, его мысль о великой организующей роли партии, опирающейся в своей деятельности на познание объективных законов общественного развития, помогли строить партию и вырабатывать и ее тактику на всем протяжении ее исторического пути.

В период борьбы за создание самой партии ленинское учение о внесении партией сознательности в стихийное движение в вопросе о классовом созревании пролетариата также выражало выбор кратчайшего исторического пути.

На всех последующих переломных этапах ленинская постановка вопроса о возможности двух исходов и о борьбе за один из них, отвечающий интересам пролетариата и всего народа, лежала в основе стратегии партии. Так было и при подготовке социалистической революции 1917 г когда стал действовать второй стратегический план и борьба за власть пролетариата противостояла другой исторической возможности — экономической катастрофе и национальному закабалению страны в цепях империализма.

В условиях переходного периода, когда стала применяться стратегия нэпа, борьба социализма и капитализма была перенесена в сферу экономики.

В период 1941—1945 гг. ареной борьбы двух исторических возможностей стала сама война, а военный разгром фашизма совпал с коренными интересами народов, выражая на новом историческом этапе самую прогрессивную, прямую и безболезненную перспективу развития для всего человечества.

Самым ярким подтверждением творческой силы ленинской методологии служат новые идеи исторического XX съезда КПСС в вопросах о сосуществовании двух систем, о возможности предотвращения войны и формах перехода к социализму в современную эпоху.[1]

В этих вопросах партия всецело остается верна ленинскому пониманию соотношения экономики и политики, ленинскому антифаталистическому пониманию характера исторической закономерности. Неизбежность войн в период империализма обусловлена экономическими особенностями империализма, но сама война не есть только явление экономическое. Вопрос о войне монополистическая буржуазия (особенно в период раскола мира на две системы) решает, как вопрос своей классовой политики, принимая во внимание всю совокупность экономических, политических и военных условий. Поскольку в системе социализма не заложены никакие причины, побуждающие к войне, опасность возникновения новой войны идет всецело от капиталистической системы.

Наша партия, ведя борьбу за мир, как и раньше, не признает фатальной неизбежности войны, так как коммунисты всегда знали, что, если неравномерность общественного развития, волчьи законы капитализма, классовая ненависть империалистов к лагерю социализма гонят к войне, то боязнь силы СССР и революционных взрывов в тылу империализма отдаляют эту опасность.

[1] Эти идеи получили дальнейшее развитие в решениях совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1957 г.

Создание системы социалистических стран и укрепление сил мира и демократии в результате разгрома фашизма во второй мировой войне настолько изменили соотношение сил на мировой арене, что Коммунистическая партия Советского Союза ставила вопрос о возможности отстоять мир и сорвать угрозу войны на данном историческом этапе при условии, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки. Но такая постановка вопроса не снимала все же вопроса о конечной неизбежности войны, пока существует империализм.

В настоящее время рост могущества и авторитета лагеря демократии и социализма, прогрессирующий распад системы империализма и расширение «зоны мира», дальнейшая активизация народного движения в борьбе за мир и повышение политической активности рабочего класса капиталистических стран позволили нашей партии сделать новый шаг в решении этого вопроса. Партия исходит из того, что теперь появилась реальная возможность вообще не допускать развязывания войны империалистами. «Чем активнее народы будут защищать мир, тем больше гарантии, что новой войне не бывать»,[1] — так формулировал вопрос XX съезд партии.

Следовательно, новая война на нынешней ступени развития империализма перестает быть абсолютной фатальной неизбежностью, хотя остается возможность и экономическая основа войны. Ей противостоит другая возможность — мирное сосуществование двух систем, обеспечение прочного, а не временного мира — и именно она является ведущей тенденцией эпохи. Только борьба классов, борьба народов против сил империализма и агрессии окончательно решат, какая возможность победит. Здесь полностью воспроизводится ленинская постановка вопроса об исторической закономерности. Последняя пробивает себе путь в конечном счете с железной необходимостью, но на каждом данном историческом этапе развития может получить двоякий исход в зависимости от борьбы действующих социально-политических сил, а победа наиболее прогрессивного исхода ускоряет и облегчает этот процесс для человечества. Главной исторической закономерностью и содержанием современной эпохи является не война а переход от капиталистического общества к коммунистическому. Она проложит себе дорогу, и если дальнейшее развитие осуществится в формах мирного сосуществования двух систем, и если человечество будет ввергнуто в бедствия новой войны. Но марксистско-ленинская партийность обязывает оценивать борющиеся тенденции, сообразуясь с генеральной линией исторической закономерности, все силы бросать на поддержку ведущей, прогрессивной тенденции. Альтернатива теперь состоит уже не в том, быть или не быть капитализму, а в том, пройдет ли его неизбежная гибель через горнило войны или не пройдет. Война есть худший, наиболее реакционный исход для человечества не только потому, что влечет за собой неисчислимые страдания человечества, но и потому, что задерживает, затрудняет переход к высшей общественно-экономической формации уничтожением огромных ценностей и производительных сил. Мирное сосуществование двух систем, недопущение империалистической войны — наиболее прогрессивный исход потому, что он исключает насильственное вмешательство внешних агрессивных сил, открывает наибольшие возможности для мирного соревнования двух систем и переключает развитие и разрешение противоречий загнивающей капита-

---

[1] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. [...], Госполитиздат, 1956, стр. 41.

листической системы на путь борьбы и прогрессивного развития внутри каждой отдельной капиталистической страны.

Исторический опыт и марксистско-ленинское предвидение не оставляют сомнений в том, что преимущества социалистического строя будут завоевывать все в нарастающей мере души и сознание широчайших народных масс и, следовательно, создавать все более благоприятные условия для осуществления социалистической революции в относительно более мирных формах. При этом сама логика борьбы за мир и демократию будет неминуемо усиливать влияние рабочего класса и его социалистических идей на всех трудящихся и эксплуатируемых, на все демократические силы современного капиталистического общества, сближая тем самым (не совпадающие, но внутренне связанные) этапы борьбы за мир, демократию и социализм.

Так или иначе, борьба за то, чтобы избежать мировой войны — в плане международном (в соревновании социалистической и капиталистической систем) и войны гражданской — в плане внутреннего развития каждой капиталистической страны, эта борьба воплощает гениальную ленинскую установку. Ее сущность — выбирать «прямые», «кратчайшие» исторические пути тогда, когда объективные условия революционной эпохи позволяют борьбой преодолевать возможные исторические «зигзаги». Правильное теоретическое решение поставленных вопросов подсказывает коммунистическим партиям и правильные — в ленинском духе — практические выводы. Осознание народами мира реальной возможности спасти человечество раз и навсегда от бедствий войны настолько окрыляет народные массы и поднимает силы движения борьбы за мир, что основания для победы именно этой возможности, выражающей интересы подавляющей части человечества, возрастают в небывалой степени.

Таким образом, мы еще раз приходим к выводу, что изучение исторической борьбы Ленина с оппортунизмом за революционную марксистскую стратегию, за творческое развитие исторического материализма помогает осмыслить ленинскую политику нашей партии в великой борьбе за коммунизм и в настоящее время.

Защищая материалистическую диалектику и материалистическое понимание истории против метафизики и объективизма, экономического материализма и культа стихийности, Ленин сделал большой шаг вперед в развитии марксизма. Без этого шага была бы неполной идейная подготовка партии нового типа к ее деятельности всемирно-исторического значения. Благодаря Ленину, в мировоззрении партии не осталось ни малейших лазеек для проникновения каких-либо элементов фатализма и стихийности. Ленинские идеи обусловили воспитание коммунистической партии в духе безграничной веры в творческие силы народа и его пролетарского авангарда. Они же приучили партию понимать, что в последнем счете активнейшая сила истории, идейно направляющая и организующая все живое и прогрессивное в современном обществе, есть коммунистическая партия пролетариата. Вдохновляясь этим убеждением, наша партия приняла на свои плечи огромную ответственность перед историей и с невиданным размахом и смелостью, сочетающимися с глубочайшей научной объективностью и трезвостью, ставила перед собой и разрешала в прошлом, ставит и разрешает в настоящем все новые исторические задачи на пути к окончательной победе коммунизма.